

ЗИНАИДА Д. ПОПОВА
(Воронеж)

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ РУССКОГО ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В статье представлена модель полевой организации структурных схем русского простого предложения, и на её основе пересмотрены некоторые трактовки традиционной типологии русских простых предложений.

Ключевые слова: синтаксические концепты, структурные схемы простого предложения, полевая модель системы языка, русский язык.

В моём восприятии академик Милка Ивич — это целая лингвистическая вселенная. В её трудах отражается практически всё современное теоретическое языкознание Европы и Америки во всех основных направлениях, во всех основных концепциях ведущих лингвистов мира. Поражает диапазон её публикаций в изданиях от Нью-Йорка до Токио, отражающий постоянное расширение научного горизонта и непрерывный колоссальный труд (см. хотя бы: Ivič 1970b).

В небольшой статье уделить внимание всем лингвистическим проблемам, которыми занималась Милка Ивич, невозможно. Остановлюсь только на наиболее близкой мне проблеме теоретического синтаксиса — проблеме структуры славянского простого предложения (на материале русского языка). Этой проблемой Милка Ивич интересовалась на протяжении многих лет (см., напр.: Ивић 1962–1963; Ivič 1965; Ивић 1968; Ivič 1970a и др.).

Разграничение глубинных и поверхностных структур простого предложения, признание их не одно-однозначных соответствий и возможности пропуска в поверхностной структуре того или иного компонента, присутствующего в структуре глубинной, сопоставление друг с другом славянских и неславянских структур — были той исходной позицией, которая объединяла наши размышления о синтаксической системе языка.

В предлагаемой статье я хочу рассказать о своём теперешнем понимании состава структур русского простого предложения и их системных отношений.

В свете когнитивной лингвистики структура простого предложения осмысливается как знак мысленного образа ситуации внешнего мира, в которой занято несколько участников (актантов). Структуры простых предложений означают лишь те ситуации, которые чаще всего возникают в жизни людей, имеют для них важное значение и являются коммуникативно востребованными. Иначе говоря, люди считают необходимым обсуждать эти ситуации друг с другом. Мысленные образы ситуаций, закреплённые синтаксическими структурами, мы называем синтаксическими концептами (Волохина, Попова 1999).

Синтаксические концепты у разных народов могут быть эквивалентными, но могут и различаться. Какие ситуации получают собственную синтаксическую структуру, а какие не получают — это выбор каждого народа. На большом фактическом материале мы обнаружили несколько структурных схем русского простого предложения, за которыми стоят широко известные и часто повторяемые ситуации.

Концепт	Структура	Условное обозначение
Бытие объекта	Кто/что есть где	ГДЕ
Бытие признака объекта	Кто/что есть какой	КАКОЙ
Инобытие объекта	Кто/что действует чем	ЧЕМ
Самостоятельное перемещение агенса	Кто идёт куда	КУДА
Агенса воздействует на объект	Кто делает что	ЧТО
Пациент испытывает состояние	Кому есть каково	КОМУ
Небытие объекта	Кого/чего нет где	НЕТ

Несколько синтаксических концептов сформировались в глубокой, видимо, ещё индоевропейской древности. Это концепты «бытие объекта», «бытие признака объекта», «инобытие объекта», «самостоятельное перемещение агенса», «агенса воздействует на объект». Структурные схемы для их репрезентации имеются во всех индоевропейских языках.

Часть синтаксических концептов формировалась в общеславянский период. Таковы, например, схемы для концепта «небытие объекта». Схема концепта «пациент претерпевает состояние» считается восточнославянской. Схемы для более специализированных концептов таких, например, как «речемыслительная деятельность человека» (кто говорит/думает о чём), «враждебная деятельность» (кто нападает на кого) и ряд других формируются «на глазах истории», и процесс их становления вполне прослеживается по письменным памятникам (подробнее см.: Волохина, Попова 1999).

Анализируя системные отношения выявленных нами структур русского простого предложения, мы пришли к выводу об их полевой организации, которая предполагает существование ядра и периферии (Бондарко 1990: 39–58). Поле синтаксических структур простого предложения русского языка получает такой вид (см. рис. 1).

В ядре поля мы выделяем центр, в котором находятся древнейшие пять структур, условно обозначенные лексемами *где, какой, чем, куда и что*. Не в центр, но в ядро поля входят и более поздние, уже собственно славянские структуры синтаксических концептов «пациент претерпевает состояние» и «небытие объекта».

Ближнюю периферию поля заполняют те же структуры, но с лексическими вариациями, которые проецируют новые позиции в схеме высказывания.

На дальней периферии помещаются структуры с частичными изменениями в элементах. Это могут быть изменения в порядке следования словоформ, могут быть включения новых словоформ, что приводит и к определённым инновациям в семантике синтаксических концептов.

Крайняя периферия содержит фразеосхемы, которые этимологически восходят к структурам ядра или ближней/дальней периферии, но по современному составу их словоформ и по их семантике эта связь без специальных исследований не просматривается.

Уяснение соотношений структур в этом поле позволяет лучше понять их место в системе языка, их вариантность и синонимию, процессы их формирования и разрушения, развития и угасания. Полевой подход к пониманию системных отношений между структурными схемами простого предложения позволяет по-новому взглянуть на некоторые категории традиционного синтаксиса.

Прежде всего становится наглядной черта, разделяющая структуры, образующие поле, и их речевые реализации (о речевых реализациях см. Шведова 1970: 546–576). В системе языка структуры имеют

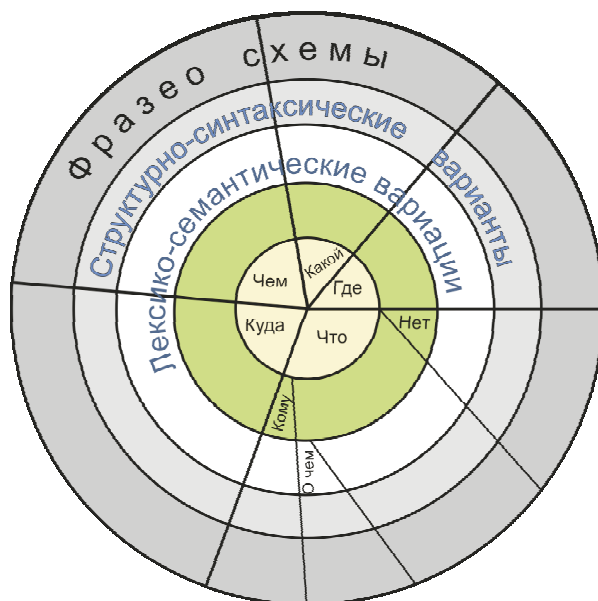

Рисунок 1 — Поле синтаксических структур простого предложения русского языка

полный состав, но в речи в зависимости от ситуации устного общения или контекста письменной речи они могут реализовать не все свои словоформы. Синтаксисты, работающие по письменным текстам, фиксируют такие «неполные предложения» и выделяют их в особые «типы предложений», которые потом долго служат предметом дискуссий и обсуждений.

На нашей схеме показано, что каждая ядерная схема имеет свой сектор поля, который мы называем парцеллой. Рассмотрим состав структурных схем в каждой парцелле поля и укажем их возможные речевые реализации с целью выяснения некоторых спорных вопросов по типологии простых предложений русского языка.

Парцелла концепта «бытие объекта». Ядерная структура этой парцеллы кто/что есть/было/будет где (когда). Вчера Сергей был на даче. Перед окном стоит высокий дуб.

На ближней периферии находим эту же структуру, но с существенными лексическими вариациями. *В черноте ноябрьского дня висел мост. Ирина была в белом платье. Андрей живет в одиночестве. Город был в движении. Во взгляде девушки светилась нежность. В донесении была точность и пунктуальность. На мне было теплое пальто.*

Дальняя периферия представлена структурно-семантическими вариантами.

Охотник был со своей собакой. С моим другом случилась история и нек. др.

Наиболее употребительный вариант с семантикой принадлежности — это структура *у кого есть что*. Этот вариант специфически славянский (Арутюнова, Ширяев 1983: 25–26), он многократно описывался и оценивался.

На крайней периферии есть несколько фразеосхем, порвавших семантическую связь с ядерной структурой, но сохранивших её внешний облик.

Мы за ценой не постоим, победа будет за нами, квартира осталась за мной и нек. др.

В поле явно не входят разнообразные речевые реализации его структурных схем. Ядерная схема, как правило, используется без формы настоящего времени глагола бытия: *Я здесь. Где контора? Контора за углом. За окнами весна. Девчата на пляже* и мн. др. Ядерная схема может реализоваться без локатива: *Была тишина утра. Будет дождь. Стоял ноябрь. Есть лист жёлтый и есть лист красный. Существуют особые условия страхования. Пропуск локатива значим. Говорящий имеет в виду, что объект бытия находится здесь, а если пропущена и позиция когда, то имеется в виду сейчас* (Золотова 1982: 112–115).

Наконец, ядерная схема может быть представлена в речи только одной словоформой, именующей объект бытия: *Мороз. Снег под валенками. Яркие голубые дни. Синее море*.

В традиционном синтаксисе, опиравшемся на труды А. А. Шахматова, такую речевую реализацию было принято считать особым типом односоставных предложений — назывных или номинативных. Такие реализации обычны для разговорной речи, когда говорящий и слушающий находятся в одной и той же ситуации. В художественных текстах писатель имитирует ситуацию устной речи, стремясь создать у читателя впечатление присутствия в описываемой местности. Такая однопозиционная речевая реализация бытийной структурной схемы не представляет никакого нового синтаксического концепта и не является особым типом простого предложения.

Сигналом отсутствующих позиций *здесь* и *сейчас* как в устной речи, так и в художественных произведениях являются лексемы *вот* и *вон*: *Вот окраина. Вон Заводская улица. Вот домик под толевой крышей*.

Парцелла концепта «бытие признака объекта». Ядерная схема концепта «бытие признака объекта» — кто/что есть какое.

Ночь теплая. Ночь была теплая/теплой.

На ближней периферии находим целую серию лексико-грамматических вариаций, используемых для заполнения позиции *какое*.

Кто есть кто, что есть что, кто/что есть чей, кто/что есть каков, кто/что есть каков по сравнению с кем/чем, кто/что есть каков в определённом отношении, кто/что есть какой кто/что, это есть кто/что и ряд других.

На дальней периферии сформировались структуры с инфинитивными номинациями (известно, что инфинитив — древняя форма дательного падежа отглагольного существительного): *говорить правду — потерять дружбу*.

По внешнему облику такие высказывания сильно отличаются от ядерной схемы, хотя фактически они являются своеобразной реализацией той же конструкции: *что делать есть делать что*.

Курить — здоровью вредить. Жить сегодня — это значит трудиться. Ваша задача — найти новые решения (ср. *курение — вред здоровью; жизнь — это труд; задача — нахождение решений*).

На дальней периферии находим также структуру *кого/чего есть/было сколько*. Её появление предположительно объясняется так: *в семье было восемь детей → детей в семье было восемь* (Гайсина 2001: 117–118). Эта схема определяет бытие количественного признака объекта.

На крайней периферии этой парцеллы очень много фразеосхем, которые не только сообщают о признаке объекта, но и оценивают его либо как соответствующий норме (*солдат есть солдат, ребёнок как ребёнок*), либо как превосходящий норму (*всем подаркам подарок, вот это огонь! ай да мёд! какой дом!*), либо как не отвечающий норме (*это горе — не горе, тоже мне суп!* и др.).

В речевых реализациях структурных схем, несущих концепт «бытие признака объекта», возможна вербализация только одной словоформы, выступающей в позиции *какое*.

Это могут быть ответы на вопрос: *Что это? — Сапоги*. Это может быть представление одного человека другому: *Кто это? — Мой сын*. Это могут быть реакции зрителей на сказанное, увиденное, переживаемое: *Пустяки! Прелесть! Молодцы!* (Бабайцева 1968: 146–153). И, наконец, это все названия и вывески: ведь они отвечают на невысказанный вопрос (*а что это?*) читающего или проходящего мимо

магазинов и учреждений человека (*Гастроном. Сбербанк. Галантерея. Война и мир. Тихие слова* и др.).

Рассмотрение этой парцеллы как полевой структуры позволяет устранить из типологии русского простого предложения тип так называемых «инфинитивных предложений», поскольку за такими предложениями нет никакого нового концепта, а есть только особый способ заполнения позиций схемы «*что есть что*». Подтверждается также, что в этой типологии нет особого типа номинативных предложений с их подтипами. Есть речевая реализация схемы *кто/что есть где* (см. выше) и схемы *это есть кто/что*.

Парцелла концепта «инобытие объекта». О существовании такого концепта свидетельствует устойчивая структурная схема «*кто действует чем*». В современном русском языке она не имеет единой лексико-семантической константы. Слишком разнообразны проявления таких феноменов, как люди и растения, источники света, тепла, запахов, звуков и другие. Ядерную структуру можно представить только местоименными обобщенными словами (*кто действует/проявляет себя чем*).

На ближней периферии, наряду с трехкомпонентными структурами, находим и значительное число двухкомпонентных построений, поскольку многие глаголы самопроявления уже включили в свое семеме семы средства проявления.

Соня махнула рукой и: Соня дрожала (телом). Лёня топнул ногой и: Лёня дышит (носом). Звонят колокола (звоном). Выла собака (воем). Загремел гром. Шипел чайник. Играет оркестр. Глаза сияют. Светили фонари. Благоухали розы. Зазеленели деревья. Дорога пылит и мн. др.

В двухкомпонентных высказываниях позиция *чем* сохраняется, что и показывают наши вставки в скобках, но она информативно избыточна, так как сема объекта включена в семему глагола. Но если говорящий хочет уточнить особенность средства проявления, он заполнит позицию *чем* составной номинацией: *Соня дрожала всем телом. Колокола звонили малиновым звоном. Глаза сияли светом счастья.* Составная номинация нередко замещается наречием: *Жутко выла собака. Оглушительно загремел гром. Тускло светили фонари* и т. п.

На дальней периферии находим бессубъектную структуру, которая реализует синтаксический концепт «состояние природы и окружающей среды».

Пахнет яблоками. Из парка тянет сыростью. Перед закатом свежееет. На востоке светает.

Неупоминание такого феномена, как *свет* или *воздух*, становится привычным, и в описании прошедшего события используется глагол в форме среднего рода: *За рекой бухало, ахало, стукало. Темнело. Пахло цветами. Потянуло свежестью* и т. п.

Такую структуру принято называть безличной, а её схему можно представить так: *где самопроявлялось чем*.

На крайней периферии обнаруживается фразеосхема *кто владеет чем*. Эта схема утратила мотивированную семантическую связь с исходной структурой и сохраняет с ней только формальную связь. Можно лишь предполагать, что в её основе лежит высказывание типа *кто владеет своими руками / своим телом, собой* и т. п. Если человеку, который владеет землей, другим имуществом, могли приписывать тот же феномен самопроявления (владеет землей как частью своего «имущественного» тела), то тогда смысловая связь «владения» станет относительно понятной. На основе этой схемы в русском синтаксисе развился сравнительно узкий по содержанию синтаксический концепт «руководящая деятельность».

Кто руководит отрядом, кто командует парадом, кто управляет машиной, кто распоряжается доходами, кто правит лошадьми, кто заведует кафедрой и некоторые другие.

Если синтаксический концепт «инобытия объекта» в глубокой древности был единым (все явления природы и в их числе человек проявляли себя какими-то собственными потенциями, позволяющими их воспринимать), и об этом свидетельствует устойчиво сохраняющаяся структурная схема *кто действует чем*, то впоследствии, ввиду разнообразия самопроявления разных феноменов окружающего мира и самого человека, схема стала упрощаться, видоизменяться и легла в основу формирования нового синтаксического концепта «состояние природы и окружающей среды».

Парцелла концепта «самостоятельное перемещение агенса». Структурные схемы, репрезентирующие этот концепт, имеют много вариаций и вариантов, уточняющих разные детали перемещения. В качестве ядерной схемы можно взять наиболее распространённую: *кто идёт куда*. Эта схема часто дополняется локативами *откуда, каким путём*.

На ближней периферии находятся разнообразные лексико-семантические вариации, в том числе без позиции *куда*, если глагол включает в свою семему сему локатива: *Олег повернулся. Охотник попятился. Гость поднялся. Рыжик вскочил*.

Дальнюю периферию составляют структуры с приставочными глаголами перемещения. Приставки каузируют некоторые ограничения в словоформах, заполняющих позицию *куда*.

Кто входит во что. Кто выходит из чего. Кто дошёл до чего. Кто отошёл от чего. Кто пришёл к чему и др. (подробнее см.: Волохина, Попова 1993).

На дальней периферии находим также структуры, несущие синтаксический концепт «состояние природы и окружающей среды», если перемещающийся агент — явление природы, всем знакомое (чаще всего — вода): *с крыши капало, за окном льёт, на улице течёт*.

О древности синтаксического концепта «самостоятельное перемещение агенса» говорят и структуры его крайней периферии. Они сохранили архаические беспредложные локативы: родительный отложительный (*бегать чего* → *бояться чего, стыдиться чего*), родительный достигательный (*достигать чего* → *добиваться чего, касаться чего, желать чего*), дательный конечного пункта (*ехать Новгороду* → *верить чему, учить чему, удивляться чему, радоваться чему* и др.).

Для речевых реализаций схемы перемещения очень характерно активное использование словоформ из позиции *куда*. Они способны принимать на себя функцию предикатива (*кто в лес, кто по дрова*) и выполнять самостоятельно роль побудительного высказывания (*По местам! По коням!* и т. п.).

Парцелла концепта «агент воздействует на объект». Ядерная структура, представляющая этот концепт — *кто делает что (сосед строит дом, белка сушит грибы, Толик поломал игрушку)*.

Парцелла имеет очень богатую ближнюю периферию. Это объясняется разнообразием воздействий агенса на объект, так как каждый вид воздействия проецирует ту или иную новую позицию в схеме высказывания. Таковы схемы: *кто несет что куда кому, кто берёт что у кого, кто даёт что кому, кто говорит что кому о чём, кто соединяет что с чем, кто меняет что на что* и ряд других.

На ближней периферии находим и схемы с вариациями в словоформе объекта воздействия (*кто наделал чего, каждый получил по букету цветов*).

Некоторые глаголы воздействия включают сему объекта в свою семему, и тогда в высказывании нет позиции объекта воздействия (*мы поужинали, дети обедают, Коля помог другу уехать, шум мешает сосредоточиться* и нек. др.).

Несколько замечаний о формировании синтаксического концепта «*речемыслительная деятельность*». Схему *кто говорит/думает о чём* в настоящее время, как нам представляется, можно помещать на ближнюю периферию. Тенденция к её употреблению в русском литературном языке более или менее определилась. Но на дальней периферии различные речевые и мыслительные акты обозначаются достаточно разнородными схемами.

Кто упрекает кого в чём, кто раскаивается в чём, кто клянётся в чём, кто зовёт кого куда, кто благодарит кого за что, кто отвечает кому на что, кто задумался над чем, кто смеётся над чем, кто называет кого чем и мн. др. Здесь идут интенсивные процессы отбора наиболее подходящих словоформ, для структур синтаксических концептов речевой, мыслительной деятельности, модально-интеллектуальных и эмоциональных переживаний. В настоящее время выбор той или иной словоформы объекта для литературной речи регулируется нормативными пособиями, а в просторечии наблюдаются всевозможные колебания.

На дальней периферии парцеллы находится обширный комплекс страдательных конструкций, несущих синтаксический концепт «объект подвергается воздействию агенса». Его структурная схема — *что делается кем: что строится кем, что берётся кем у кого, что даётся кем кому* и т. п.

У глаголов с постфиксом *-ся*, как известно, развилась многозначность, и этот постфикс стал использоваться как словообразовательная морфема. На основе глаголов с постфиксом *-ся* образовались серия структурных схем дальней периферии: *кто интересуется чем, кто любит чем, кто занимается чем, что изменяется, кто знакомится с кем, кто нахмурился, что закончилось, кто успокоился, кто умывается, кто обзавёлся чем* и мн. др.

Этот процесс привёл к постепенному вытеснению глаголов на *-ся* из страдательных конструкций и замещению их страдательными причастиями: *что сделано кем/чем: дуб посажен отцом, земля покрыта цветами, страна окрылена победами, проект нами продуман*.

Если агенсом является какой-либо природный или физиологический феномен, то и в данной парцелле формируется схема для выражения концепта «*состояние природы и окружающей среды*»: *Лёд унесло. Дороги размыло. Подморозило. Носу свело. Потянуло ко сну*.

На крайней периферии есть некоторые фразеосхемы: *Куда тебя несет! Ну и везёт же тебе!* и некоторые другие.

В речевых реализациях структурных схем парцеллы «агенса воздействует на объект» очень популярны высказывания без позиции КТО и КЕМ. Нередко говорящим агентом хорошо известен, или им не важно, кто является агентом воздействия, или агент им неизвестен; во всяком случае — это человек, группа людей. Подобные высказывания принято называть определённо-личными, неопределённо-личными и обобщённо-личными предложениями: *срубили ёлку, построили стадион, меня зовут Иван, лук обжаривают, несём кота к ветеринару; дом построен, окна разбиты, дело сделано, дверь открыта, Николай был ранен, полы вымыты* и т. п.

Возможны речевые реализации без позиции объекта при его ситуативной определённости: *нам открыла женщина, на стол подавала хозяйка* и т. п.

Концепт «агента воздействует на объект» репрезентирован множеством структурных схем, осмыслен очень детально, и это свидетельствует о его глубокой древности. Более того, как мы старались показать, на его основе продолжается интенсивное построение разнообразных структурных схем для оформления постоянно формирующихся новых синтаксических концептов, особенно из сферы интеллектуальной, эмоциональной и речевой деятельности человека.

Парцелла концепта «пациент претерпевает состояние». Наиболее обобщённая структурная схема этого концепта может быть представлена так: *кому есть каково*. Чаще всего в текстах находим её вариант *кому необходимо что делать: мне нужно идти на занятия*.

На ближней периферии находим несколько лексико-семантических вариантов основной схемы, в которых сообщается о «претерпевании» физических, физиологических и психологических состояний: *кому жарко, холодно, нездоровится, тоскливо, скучно, хочется есть, было весело, сладко спится* и т. п.

В статусе дальней периферии могут быть осмыслены структуры, включающие словоформу именительного падежа существительного с семантикой объекта, традиционно трактуемую как подлежащее: *мне вспоминается осенний лес, мне нравится моя работа, нам видно озеро, нам слышно щебетание птиц*. Структура явно несёт концепт «пациент претерпевает состояние», но формально в ней дательный субъекта может быть понят и как словоформа адресата, хотя его постановка на первое место в высказывании предполагает в нём семантику воспринимающего лица-пациента.

На дальней периферии находится и схема, в которой сообщается о возрасте пациента (он как бы «претерпевает» свой возраст): *мне было восемнадцать лет, Ивану Петровичу исполнилось девяносто лет*.

На крайней периферии и в этой парцелле найдем схему концепта «состояние природы и окружающей среды»: *на шоссе было пусто, в поле стало светлее, в лесу было сыро*.

Заслуживают обсуждения речевые реализации схемы *кому надо делать что*. Эта схема нередко реализуется без позиции *кому*: *часы нужно перевести в три часа ночи, за удовольствие надо платить, пора уезжать*. Возможна её реализация без модального слова: *скоро тебе идти в школу, жить и хозяйствовать на этой земле молодёжи*. Известны выражения без позиций *кому и надо*: *как бы людей удивить? куда идти? что делать?*

Подобные реализации традиционно рассматриваются как самостоятельные типы простого предложения, хотя синтаксисты спорят об их природе (Бабайцева 1968: 106–114). С нашей точки зрения, речевые реализации, имеющейся в системе синтаксиса структурной схемы простого предложения, не несущие никакого нового синтаксического концепта, не являются самостоятельными типами простого предложения.

Парцелла синтаксического концепта «небытие объекта». «Небытие объекта» получило свой синтаксический концепт в общеславянский период. Объект, которого нет в данном месте или нет вообще «в мире», славяне маркируют родительным падежом: *кого/чего нет где, кто не делает чего*. В других индоевропейских языках такого синтаксического концепта нет, отсутствие объекта обозначается лексически с помощью отрицания. По яркости выражения значения небытия объекта в ядре парцеллы находится схема *кого/чего нет где*. Схема *кто не делает чего*, отступает на ближнюю периферию.

Дальняя периферия представлена фразеосхемами, интенсивно выражающими идею небытия. *Некому тушить пожар, нечем дышать, незачем торопиться, некуда деться, некогда отдыхать* и нек. др.

На крайней периферии находим несколько употреблений отрицательных слов в схемах, утративших мотивированную связь с исходными. *Нечего ждать помощи* (т. е. бесполезно). *Некогда жил царь Горох* (неизвестно когда). *Нет бы ей помолчать* (было бы лучше, если бы она помолчала).

В речевых реализациях ядерной схемы возможно отсутствие позиции *где*: *детей нет, сестры не было*. Наиболее регулярна реализация ближнепериферийной схемы без позиции объекта, сема которого подсказывается семантикой глагола: *дети не рисуют, малыши ещё не говорят, ребёнок не ест*. При необходимости такие высказывания могут быть дополнены отрицательным местоимением *ничего*.

Сравнительная молодость концепта «небытия объекта» объясняет наличие оппозиций: *отца не было дома* и *отец не был дома*, *Мила не купила хлеба* и *Мила не купила хлеб*. Сосуществование этих оппозиций известно на протяжении всей письменной истории русского языка, и работ, касающихся этого сосуществования, очень много. Однако попытки определить строгие правила выбора одной из конструкций успеха не имели, потому что этот выбор целиком зависит от точки зрения говорящего. Именно говорящий мыслит об агенте или объекте как находящихся в «небытии» или в «бытии», но только вне данного места или вне воздействия. *Отец не был на выставке (он был на работе)*. *Отца не было на выставке (а я думала, что он там должен быть)*. *Не забудь чемодан (вот он стоит)*. *Не бери чемодана с собой (никакого)*.

Таким образом, описанная в данной статье полевая организация синтаксических структур русского простого предложения позволяет по-новому посмотреть на ряд спорных и дискуссионных трактовок их типов.

Так называемые номинативные, инфинитивные, определенно-, неопределенно- и обобщенно-личные предложения оказываются просто речевыми реализациями некоторых ядерных структурных схем простого предложения. Они имеют свои ситуативные и контекстные основания, но новых синтаксических концептов не представляют. Так называемые безличные предложения — это структурные схемы, формирующиеся на дальней и крайней периферии тех или иных ядерных схем для выражения осмысляемых людьми новых синтаксических концептов. В синтаксическом поле становятся различимыми как архаичные схемы, пережившие в переносных значениях своё время, так и структуры новые, только становящиеся и ещё не строго оформленные, которые создаются для выражения новых синтаксических концептов.

И архаичные, и новые структурные схемы простых предложений создают для говорящих и пишущих определённые трудности в выборе той или иной словоформы. Именно они привлекают наибольшее внимание как синтаксистов, так и стилистов и нуждаются в регулировании и нормативных рекомендациях на каждом этапе развития системы языка.

Литература

Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. *Русское предложение. Бытийный тип*. М., «Русский язык», 1983. — С. 198.

- Бабайцева В. В. *Односоставные предложения в современном русском языке*. М., «Просвещение», 1968. — С. 161.
- Бондарко А. В. *Темпоральность // Теория функциональной грамматики*. С–Пб., «Наука», 1990. — С. 29–58.
- Волохина Г. А., Попова З. Д. *Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения*. Воронеж, Изд-во ВГУ, 1993. — С. 195.
- Волохина Г. А., Попова З. Д. *Синтаксические концепты русского простого предложения*. Воронеж, Обл. типография, 1999. — С. 196.
- Гайсина Р. М. *Синтаксис современного русского языка*. Ч. 1. Уфа, Изд-во БГУ, 2001. — С. 282.
- Золотова Г. А. *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. М., «Наука», 1982. — С. 368.
- Шведова Н. Ю. *Структурные схемы предложения и их регулярные реализации // Грамматика современного русского литературного языка*. М., «Наука», 1970. — С. 546–576.
- Ивић М. *Категорија «map — Sätze» у словенским језицима // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*. Књига VII. Нови Сад, 1962–1963. — С. 93–98.
- Ivić M. *On the structure of the slavic simple sentence // International journal of slavic linguistics and poetics*. IX. 1965. The Hague, Mouton & CO, 1965. — S. 20–24.
- Ивић М. *О дубинском моделу словенске прости реченице са семантичким обележјем «анонимност субјекта» // Књижевност и језик XV/2*. Београд, 1968. — С. 5–12.
- Ivić M. *Les causes sémantiques du phénomène syntaxique nommé «determinant obligatoire» // Actes du Xe congrès international des linguistes*. II. Bucarest, 1970a. — S. 831–834.
- Ivić M. *Pravci u lingvistici*. Ljubljana, Državna založba Slovenije, 1970b. — S. 293.

Резиме

Зинаида Д. Попова

СИСТЕМСКИ ОДНОСИ МЕЂУ СТРУКТУРНИМ СХЕМАМА РУСКЕ ПРОСТЕ РЕЧЕНИЦЕ

У овом раду изложен је модел организације структурних схема руске прости реченице формиран у оквиру лингвистичке теорије поља. На тој основи ревидирана су нека тумачења карактеристична за традиционалну типологију руских простих реченица.